

СУДЕБНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В РОССИИ
Н.С. Бондарь. СУДЕБНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ
В РОССИИ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ.
М.: ИНФРА-М, 2011. 544 с.

Краткая аннотация: в статье представлен научный анализ новой монографии известного российского правоведа, судьи Конституционного Суда РФ Н.С. Бондаря. По мнению авторов, это издание выходит далеко за рамки отраслевой проблематики, вносит существенный вклад в развитие общей теории современного права, имеет важное правоустановительное, правоприменительное и образовательное значение. Феномен судебного конституционализма обеспечивает достоверность (реальность) Конституции РФ как акта прямого действия, а его доктринальное осмысление побуждает к признанию определяющего значения конституционной юстиции для совершенствования (модернизации) правовой системы России в эпоху глобализации.

Annotation: this paper presents a scientific analysis of the new book of famous Russian lawyer, judge of the Constitutional Court, N.S. Bondar'. According to the authors, this edition goes far beyond the industry perspective, makes a significant contribution to the general theory of modern law is important pravoustanovitelnoe, enforcement and educational value. The phenomenon of judicial constitutionalism provides authenticity (reality) of the Constitution of the Russian Federation as an act of direct action, and its doctrinal interpretation leads to the recognition of the decisive importance of the constitutional justice for improvement (modernization) of the Russian legal system in the era of globalization.

Ключевые слова: конституционализм; судебный конституционализм; конституционное правопонимание; Конституционный Суд РФ; конституционные ценности; глобализация; модернизация и конституционализация; юридическое образование.

Key words: constitutionalism; judicial constitutionalism; constitutional understanding of law; the Constitutional Court of Russia; constitutional values; globalization; modernization and constitutionalization; legal education.

Выход в свет новой книги проф. Н.С. Бондаря примечателен по ряду обстоятельств. Во-первых, любая публикация известного ученого, работающего на редкость интенсивно и плодотворно, привносит нечто новое и самобытное в развитие науки конституционного права, а его монографический цикл в особенности ярко раскрывает концептуальную связанность и вектор напряженного поиска. Во-вторых, в своих основных трудах судья Конституционного Суда РФ Н.С. Бондарь выступает и как "соавтор" уникального творческого коллектива этого органа российской конституционной юстиции, предлагая, по сути, аутентичный "дайджест" его актов и правовых позиций, благодаря которым процесс конституционализации системы российского права получает динамику и необходимую достоверность. В-третьих (в данном отношении рецензируемая монография выделяется особо), непредвзятый читатель работ Н.С. Бондаря открывает для себя либо утверждает во мнении, что развитие доктрины современного права в принципе возможно только по линии философии и теории конституционализма, и здесь достижения и перспективы отечественного правопонимания весьма обнадеживают.

Подчеркнем также и специфическую актуальность появившегося научного труда. Творческие усилия многих отечественных ученых-юристов сегодня сосредоточены на описании издержек российской демократии, практики формирования и функционирования публично-властных институтов, недостатках механизма правового регулирования. К сожалению (для науки права), проблемы конституционного строительства нередко увязываются при этом с *всегда* дис-

куссионными представлениями о несовершенстве Конституции РФ, а стремление утвердить за собой титул инициаторов ее "кардинальной реформы" либо замены выдается за развитие конституционной доктрины безотносительно к тому, с какими издержками, если не потрясениями, для правовой системы будут сопряжены такие "инновации". Конституционное правопонимание, необходимость концептуальной разработки которого разделяет Н.С. Бондарь (с. 67)¹, в любом случае исключает поверхностную критику Конституции РФ как основополагающего текста и источника национального права. С названной концептуальной позиции становление и развитие правовой демократии предполагают бережное и адекватное отношение к Конституции РФ как национальному достоянию, а предпосылками любой конструктивной полемики выступают владение конституционным языком и ответственная устремленность к тем (порой неявным) конституционным смыслам, которые должны определять содержание нормативно-правовых правил для всех сфер жизни, полагаться универсальными критериями состоятельности юридической практики.

¹ См., например: Крусс В.И. Теория конституционного правопользования. М., 2007. О прямом признании данного концепта Н.С. Бондарем говорить трудно. С одной стороны, он полагает возможным ограничиться своего рода синтетическим слиянием формально-юридического и социологического подходов к пониманию сущности конституции; с другой – синонимами по отношению к конституционному правопониманию признаются конституционно-судебное и (с оговоркой о суверенитете) конвенционно-юрисдикционное понимания принципа верховенства права (с. 56, 111, 112).

Отправляясь от идеи о конституции как аксиологической социально-нормативной энергии, Н.С. Бондарь приходит к выводу о “единстве внутренней и внешней формы” Конституции РФ, социального и юридического дуализма ее сущности (с. 28, 34), что и определяет, в его терминологии, возможности живого, реального, а не иллюзорного конституционализма. Недостаточно, однако, подходить к Конституции РФ как к континуальному воплощению “эксплицитно выраженных и внутренне присущих ей социально-правовых ценностей” (с. 102). Обретение таких ценностей невозможно помимо согласия относительно их сущности, значения и способов юридического гарантирования, а значит (поскольку договориться во многих случаях проблематично), нельзя обойтись без предварительного признания необходимости “высшей инстанции” в вопросах права и правового государства. В цивилизованном мире соответствующий подход фактически общепризнан (с. 107, 111–113) и, следовательно, “общеобязателен”, а заявленная в рецензируемой работе концепция *судебного конституционализма*, на наш взгляд, является одним из наиболее продуманных и убедительных его обоснований, *отчасти* уже реализуемых в Российской Федерации решающим образом благодаря практике Конституционного Суда РФ.

Содержание монографии Н.С. Бондаря (шесть глав, разделенных на пункты и подпункты) достаточно точно обозначено названиями ее структурных элементов и логически выверено. От подробной характеристики реального (российского) конституционализма как многоуровневой системы полиструктурного характера (гл. 1) автор переходит к той сфере и одновременно фактору развития этой системы, которая ему профессионально близка и представляется наиболее значимой: судебному конституционализму (гл. 2). Далее, поскольку формирование судебного конституционализма невозможно помимо теории практической (конституционно-судебной) аксиологии, предлагается обобщенная характеристика конституционных ценностей с выходом на проблематику их актуальной интерпретации (гл. 3). Однако ценностным измерением глубина (содержание) современного конституционализма не исчерпывается, и в гл. 4 внимание читателей переключается на нормативно-доктринальное преобразующее воздействие практики Конституционного Суда РФ на другие элементы систем российского права и законодательства. Глава 5 (возможно, для многих это будет неожиданным) дает представление о тех идеях Н.С. Бондаря, которые позволяют причислить его к научным предвестникам конституционной модернизации российской государственности. И наконец, возвращаясь в пространство аксиологии, автор акцентирует наше внимание на ценностях равенства и свободы (гл. 6), разнообразное сочетание которых, собственно, и способно, по его мнению, утвердить в России искомый режим конституционного равноправия и справедливости.

Все главы, как и монография в целом, отмечены выраженными достоинствами высокого научно-теоретического, юридико-практического и образовательного (пропедевтического) значения. Далее лишь обозначим некоторые из заслуживающих более подробного освещения и всестороннего осмысления достижений автора.

В теоретическом плане содержание, как и название книги, побуждают задуматься об исчерпанности многих неустanno артикулируемых правоведческих проблем. Так, вопреки догматической инерции юридического позитивизма и некоторых доктринальных трактовок вопрос об исключительном и решающем значении практики Конституционного Суда РФ (“генератора судебного конституционализма”) для приведения системы российского права в соответствие с Конститу-

цией РФ, а значит, и для правосудного обеспечения прав и свобод человека в Российской Федерации (ст. 18 Конституции РФ) следует считать безоговорочно решенным. Равным образом *все* суды необходимо рассматривать в качестве полноценных участников процесса конституционной юстиции *в широком смысле слова*. Положение ч. 1 ст. 120 Конституции РФ определяет подчиненность судей именно Конституции РФ, в смысловой и содержательной целостности ее текста, и затем уже (на этой основе) закону. Не может быть независимых судей, пораженных недугом “дефицита конституционного правопонимания”, *не понимающих смысла* конституционно-правовых установлений. Лишь при этом условии судебная власть способна оказывать на конституционно-правовые отношения необходимое “организующее и охранительное воздействие” (с. 106). Только восходящая к Конституции РФ судебная практика формирует *прецедентное понимание* (не путать с прецедентом!) смысла конституционно-правового регулирования общественных отношений в рамках подведомственных категорий дел и тем самым осуществляет его конкретизацию (с. 102). И при таком (адекватном) восприятии современного права, какое предполагает и раскрывает в рецензируемой книге теория конституционализма Н.С. Бондаря, споры о том, является ли судебная практика в России источником права, наделен ли Конституционный Суд РФ (как орган судебной власти и “суд над властью”) особыми правотворческими полномочиями, содержат ли руководящие разъяснения высших судов положения общерегулятивного характера и т.п., становятся сугубо схоластическими и важными разве для тех, кто поверяет свою (архаическую) правоту догматами о неприемлемости судебного прецедента для стран романо-германской правовой семьи или откровениями очередной “единственно истинной” философии права. Однако будущих юристов (студентов) от необходимости изучения доводов оппонентов соответствующих конституционных истин следует, по возможности, избавить, иначе они могут просто не “увидеть” качественной новизны современной политико-правовой действительности и ее научного конституционно-правового отображения.

Приверженность конституционной аксиологии позволяет Н.С. Бондарю обосновать специфическую достоверность Конституции РФ. Действительно, даже общечеловеческие ценности “не остаются неизменными ни во временном, ни в социокультурном пространстве”. В этом контексте конституция предстает как показатель достигнутого в обществе и государстве баланса между властью и свободой и одновременно как “юридизированная форма отражения социальных противоречий” (с. 40, 44–53). В конечном счете именно на основе закрепления всеобъемлющих общедемократических ценностей (с. 42, 43) в обществе и может достигаться необходимый баланс интересов, а неизбежные противоречия – получать разрешение благодаря широкому спектру убедительно классифицированных институциональных способов и средств (с. 49–53).

Анализ конституционных ценностей носит в рецензируемой монографии не только методологический, но и “институтообразующий” характер. Автор классифицирует конституционные ценности, раскрывает специфику их нормативности и видовое разнообразие, характеризует содержание, обращая внимание на проблему системной гармонизации ценностей фактических и ценностей нормативного порядка посредством практики конституционной юстиции (с. 170, 171, 177). Впрочем, большинство соответствующих положений уже было заявлено в предыдущих трудах и публикациях ученого. Выраженной новизной отмечена, пожалуй, проблематика *конкуренции* конституционных ценностей,

лежащая в основе современных процессов глобализации и правового прогресса (с. 184). В этой связи – в контексте верховенства прав и свобод человека и угроз национальной безопасности – исключительно важным представляется вывод Н.С. Бондаря о порочности разделения (фактически – противопоставления) “национальной” и “конституционной” культур в силу сведения последней к западному мировоззренческому выбору, опирающемуся на редуцирование христианского вероучения до “рессор” протестантской этики и “прогрессивного” меркантилизма. Философия прав человека не менее убедительно и (в перспективе) гораздо более чело-вечным образом раскрывается и в контексте отечественной союзно-конфессиональной культурной традиции как “гаранта” российской идентичности. Сюрреалистический характер реалий “арабской весны” 2011 г. – еще одна яркая иллюстрация катастрофического потенциала проекта вестерн-конституционализации. Потому так важно утвердиться во мнении, что «Россия не “реципиент” старых, пусть даже вошедших в классику конституционных образцов, а творец... современного демократического конституционализма, соответствующего потребностям национального развития общества и государства» (с. 38).

В тесной связи с конституционной аксиологией стоит и проблематика взаимоотношений Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека, соотношения внутригосударственной конституционной и конвенционной юрисдикций, возможных коллизий между общеевропейскими и национальными институтами гарантирования прав и свобод человека и гражданина. Здесь наиболее важными представляются два подтверждаемых практикой Конституционного Суда РФ выводы: о приоритетном значении для принимаемых в рамках судебного конституционализма решений тех правовых актов, которые обеспечивают более высокий уровень гарантированности прав человека, во-первых (с. 196, 197), и о невозможности пересмотра национальных судебных актов в системе международной юрисдикции, при том что соответствующими актами не может блокироваться эффективное восстановление прав, нарушение которых констатировано Европейским Судом по правам человека, во-вторых (с. 212–218). В этих положениях, на наш взгляд, можно увидеть и начала стоящей на повестке дня теории конституционного суверенитета.

Исключительно принципиальным (в особенности для юристов, обремененных политическими пристрастиями) и ответственным представляется сформулированное и обоснованное в целом положение Н.С. Бондаря о том, что актуальная модернизация российской государственности в любом случае должна восприниматься сквозь призму конституционализма и при этом сама по себе (как динамический процесс глубинных преобразований) *нуждается в конституционализации* (с. 296–299). С нашей точки зрения, политическая ангажированность конституционной науке права не только не к лицу, но и прямо вредна, поскольку грозит творческим бесплодием, независимо от определенных политических пристрастий. “Конституционализация системы властных отношений рыночной экономики” (с. 312, 313) – задача, предполагающая прежде всего научно выверенный алгоритм решения, коллективное обоснование стратегии планомерного внедрения “конституционных принципов и ценностей в сферу публичной власти, с одной стороны, и в экономическую систему – с другой”; причем важнейшим в данном отношении необходимо утвердить *универсальный конституционный принцип конкуренции* (с. 313–316).

Переходя к критической части рецензии, оговоримся: заявленная автором цель “привлечь внимание к исследо-

ванию новых общетеоретических и прикладных проблем современного конституционализма” (с. 20), по нашему мнению, не просто безоговорочно достигнута: им сделано гораздо больше. Феномен судебного конституционализма получает у Н.С. Бондаря концептуально самобытную и убедительную смысловую достоверность, а явление – содержательную полноту. Вместе с тем в известном контексте позиция ученого не выглядит безупречной. Камертоном же условно-критического восприятия выступает неоправданная (на наш “слух”) синонимия понятий судебного (“живого”) и реального конституционализма. Вследствие этого, определяя судебный конституционализм как политико-правовой режим судебного обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции РФ (с. 103, 118), автор одновременно “переводит” его значение на агрегатно-функциональный институциональный уровень. Даже важнейшее уточнение роли и значения каждого человека как субъекта и инициатора процесса конституционализации правовых норм (с. 115) сути дела не меняет. На наш взгляд, реальный конституционализм и судебный конституционализм актуально соотносятся как цель и средство. Конституционное правосудие (в широком смысле) обеспечивает *возможность* перехода российской общественно-политической системы к состоянию реального конституционализма. Но произойдет это лишь там и постольку, где и поскольку прямое действие “живой” Конституции РФ будет проявляться в непосредственном и опосредованном использовании основными правами и свободами человека и гражданина (конституционным правом использованием) не только в силу, но *до и помимо* практик правосудного обеспечения таких возможностей.

Отождествляя цели и средства реального конституционализма, легко потерять и неявную грань между конституционно должным и конституционно сущим. В этой связи рискуем “отредактировать” тезис о невозможности реального конституционализма без *юридической* конституции (с. 21–37). Для современной конституции (в философии реального конституционализма) предикат “юридическая” становится излишним. Он побуждает к неоправданному – редуцированному – разделению конституций на “юридические”, “писанные (формальные)” и “фактические”, вполне уместному и важному во времена Ф. Лассалья и Г. Еллинека, тем более в России, где затянувшаяся дискуссия о типах правопонимания привела к доктринальной перегруженности термина “юридический” и притязаниям на эксклюзивное его использование приверженцами определенных концептуальных решений².

Означает ли наличие Конституции РФ (как конституции современного типа) достоверность реального конституционализма в России? Вопрос, отнюдь, не простой. Справедливо, что “формирование научно-теоретических, доктринальных начал российского конституционализма” началось “задолго до появления конституции как юридического акта государственной власти” (с. 23). Однако понятия реальности конституции и реальности конституционализма – далеко не синонимы. Реальность Конституции РФ определяет *возможность* и достоверно конституционных взаимодействий (связей и отношений), и диалектических (достоверно истинных), но не аподиктических суждений о праве. С одной стороны,

² См.: *Нерсесян В.С.* Философия права. Учеб. для вузов. М., 1997. С. 20 и др. Справедливости ради отметим, что в целом Н.С. Бондарю подход к конституционализму как исключительно юридической и даже политико-правовой проблеме представляется явно недостаточным (с. 63, 64), что верно. Дело, однако, заключается в том, чтобы *юридическое* всегда вытекало из *конституционного*, но не наоборот.

реальность конституции – это реальность жизни народа, ее понимающего. Проникновение в смысл конституционного текста есть акт (момент) конституционного объективирования и, *возможно*, обнаружения (подтверждения) конституционности объективного права. С другой стороны, реальность любой современной конституции означает, что ее “перспективный объем” (внутренняя полнота) фактически не ограничен, а текст всегда лишь *частично востребован*. Конституция РФ “говорит” нам, российскому народу, ровно столько и раскрывается при этом настолько, сколько и насколько внятно мы (каждый) ее “спрашиваем”. В ситуациях, когда обнаруживается неготовность грамотно поставить конституционно насущные вопросы и услышать (понять) ответы на них (разрыв конституционной коммуникации), – вопросы эти должны задаваться через исключительно легитимного посредника (“переводчика”): Конституционный Суд РФ³.

“Взгляд с Сенатской площади” позволяет автору рецензируемой книги говорить о наличии *государственной стратегии* утверждения реального конституционализма в России (с. 35–38). Мы не беремся оценивать этот скорее социально-политический вывод, но полагаем, что для конституционной науки реальны и достоверны только *начала конституционализма* как идеи, выражения смыслов конституционного текста и конституционного должного. Стратегия же конкретной политической власти всегда будет только более или менее конституционно взвешенной (разумеется, при условии ее легитимности). Н.С. Бондарь справедливо отмечает, что претворение в действительность “идеала, облаченного в форму конституции”, “неминуемо сопровождается известным разочарованием и освобождением от конституционных иллюзий”, и даже соглашается с тезисом А. Шайо о функциональной несостоятельности конституции в определенных политических реалиях (с. 32). Однако ни конституция, ни права человека (хотя бы и непосредственно действующие) не действуют сами по себе, “автоматически” и *именно поэтому* не гарантируют защиты гражданского общества от элитистских угроз, которыми “перманентно беременна” любая политическая власть. Если же народ переложит вину за осуществление чуждых ему целей на конституцию, – он лишь распишется тем самым в исчерпанности своих духовных ресурсов.

Многие заинтересованные читатели отметят, считаем, и научную новизну тезиса Н.С. Бондаря о современном конституционном праве как “отрасли публично-частного права” (с. 240–243). Понятно, сколь велика сила традиции, побуждающей учитывать хотя бы и “объединенное” разделение в праве, идущее от римских юристов! Что же, однако, есть еще в *современном праве* помимо конституционно-правовой материи? И разве могут быть границы у определенной отрасли? В контексте философии реального конституционализма Конституция РФ непреложно выступает исходной инстанцией *всякого* права, независимо от его “отраслевой прописки” и внешней формы. Окончательно это признают не скоро. Но разве не конституционалисты должны быть здесь первыми?

Вызывает определенное сомнение и предложенный в монографии подход к тем *принципам* современного конституционализма, которые автор определяет как *новые (специальные)*, отмечая, что Конституционный Суд РФ *вводит*

их в конституционно-правовое поле (с. 250–257). Качество “новизны” намеренно или невольно умаляет реальность принципов, которые *изначально* существовали “внутри” конституционного текста (а другие еще ждут своего часа). Они – выражение духа Конституции РФ и только получают благодаря Конституционному Суду РФ истинное (конституционное) материально-формальное, доктринально-нормативное воплощение. Такая трактовка снимает упреки (если не обвинения) в присвоении себе Конституционным Судом РФ права (“власти”) создавать Конституцию РФ, творить ее, расширять ее содержание.

Неосновательное наложение смысловых пластов конституционной действительности и реальности обозначает еще одну гносеологическую проблему рецензируемой работы. Справедливо, что комплексная природа конституционно-правовых явлений предполагает включение в методологию их познания и догматической, и исторической, и социологической, и философско-мировоззренческой компоненты (с. 71). В конституционной науке в этой связи актуализировано понятие *конституционного мировоззрения* (Н.В. Витрук и др.), к которому, однако, следует подходить с учетом его фундаментальной ограниченности. Для Н.С. Бондаря конституционное мировоззрение – это “система принципов, взглядов, ценностей, идеалов и убеждений, определяющих отношение личности, социальных групп, общества в целом к *государственно-правовой* действительности, их понимание конституционных начал демократической организации общества и государства, правовых механизмов обеспечения свободы личности, равно как и *формирование* (курсив наш. – В.К., М.Ф.) у соответствующих субъектов конституционных установок и представлений по поводу перспектив социального правового развития в соответствии с ценностями современного конституционализма” (с. 72, 73). Рискнем возразить: мировоззрение таким горизонтом не ограничено. Оно предполагает прежде всего *личностный выбор* (а не пассивную рецепцию) в области *самых главных* (собственно философских) решений рефлексивно настроенного разума о смысле и назначении человека и человеческого, о достоверности и направленности исторического времени, об оппозиции прогрессивного и эсхатологического сценариев будущего, о ценности жизни, смерти и т.д. Российской (национальной) философии конституционализма найдется что предложить и на этом уровне духовных исканий! Между тем в “рекомендованной” образовательной литературе о подобных вещах практически не говорится, и, как представляется, не случайно. Именно осознанное молчание обеспечивает фактическое доминирование в идеологеме “утилитарного конституционализма” западного космополитизма и рационально-этического детерминизма. Причем отнюдь не сократо-платоновского и даже не аристотелевского толка. Скорее это – социал-дарвинизм и кейнсианский меркантилизм, подспудно грозящие прогрессисткой анафемой каждому, кто рискнет заявить о принципиальной несовместимости мировоззрений человека, созданного по образу и подобию Божию, с одной стороны, и индивидуума, убежденно выводящего свою генеалогию от приматов, а веру допускающего только в формате договора (“*in god we trust*”) – с другой.

Можно, разумеется, посоветовать вывести подобные вопросы и противопоставления за рамки конституционализма. Однако, как соотносить достоверность конституционных ценностей с требованием политического и идеологического плюрализма, а равно и запретом на установление государственной или обязательной идеологии (ч. 1, 2 ст. 13 Конституции РФ)? Н.С. Бондарь одним из первых признает наличие соответствующей внутриконституционной колли-

³ См.: Крусс В.И. Реальность российской Конституции // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика. Материалы науч.-практ. конференции, посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. Санкт-Петербург, 13–14 ноября 2008 г. / Отв. ред. В.Д. Зорькин. М., 2009. С. 243, 244.

зии и одновременно утверждает объективно закономерный характер процесса ее фактического преодоления посредством юридикации (конституционализации) “соответствующих принципов, идей и представлений” (с. 73–75). По сути, конституционное мировоззрение сводится тем самым к мировоззрению профессиональному юридическому. На наш взгляд, это только *попытка* того ответа, который рано или поздно потребует найти, дабы объяснить, например, как в “систему конституционного мировоззрения” могут *одновременно* войти мировоззрение религиозное и атеистическое (контррелигиозное), как и о чем будут договариваться юристы, признающие и исключаящие (с. 257) возможности бессовестного или злонамеренно бесчестного пользования правами и свободами (злоупотребление правом), и т.п.

Наряду с этим Н.С. Бондарь глубоко прав в том, что без принципиальной конституционной корректировки программ и методики юридического образования приблизиться сколь-либо основательно к реальному конституционализму у России вряд ли получится (с. 76–79, 108). Для этого необходимы юристы новой формации, *сознательно убежденные* в безоговорочном характере требования конституционности для права и правового закона, в универсальном значении

конституционных принципов и ценностей, в непреложном для всякого юриста направляющем значении цели обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Подготовить таких профессионалов чрезвычайно трудно: конституционное правопонимание включает и политико-идеологические, и эмоционально-волевые, и психологические, и национально-культурные аспекты. Однако введение двухуровневой системы юридического образования может сыграть здесь позитивную роль. Есть надежда, что магистраты всерьез отнесутся к предложению углубить познания в области теории и методологии права на базе актов конституционной юстиции и доктринальных источников такого качества, каким отмечены монографии проф. Н.С. Бондаря. Во всяком случае в списки основной литературы магистерских программ, утвержденных на юридическом факультете Тверского государственного университета, его работы уже включены.

**Владимир Иванович Крусс, зав. кафедрой теории права
Тверского госун-та, доктор юрид. наук, проф.
(E-mail: t-prava@yandex.ru);
Максим Юрьевич Федан, аспирант той же кафедры
(E-mail: t-prava@yandex.ru)**